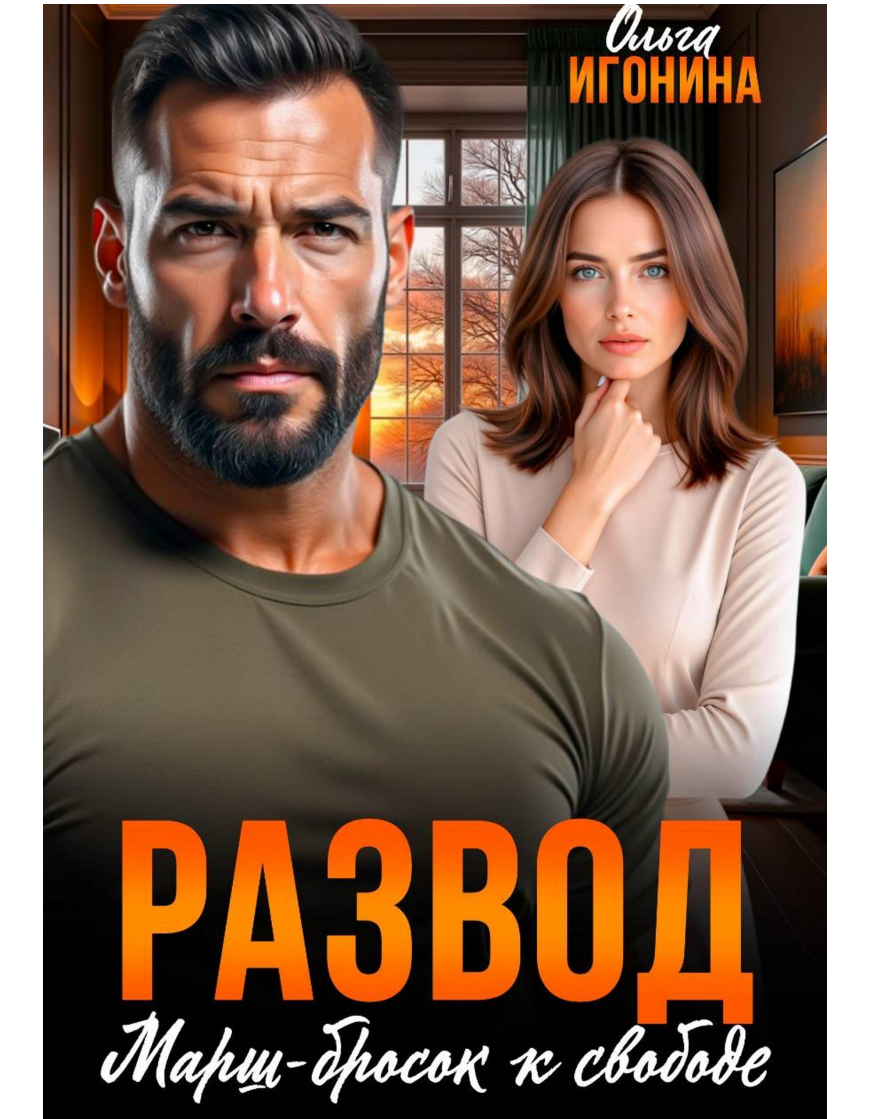

Ольга
ИГОЛИНА

РАЗВОД

Марш-бросок к свободе

Ольга Игонина

Развод. Марш-бросок к свободе

<https://litres.ru/74614439>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Это Илона, — говорит Женька, когда я, наконец, решаюсь спросить. — Да, у нас общий ребёнок. Но это в прошлом, Ань, не переживай. Это было случайно, я с ней не поддерживаю никакой связи.

Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание

— Какой «в прошлом»? Ты же ездил вкомандировку в прошлом месяце, как теперь я понимаю, на побывку к новой семье.

— Ну, началось! Успокой свой воспаленный мозг и не придумывай лишнего. Я тебе сказал, что у нас было всего один раз, все последствия тебя не касаются. Забудь об этом, нашла, из-за чего скандал поднимать.

Содержание

Глава	4
1	5
2	11
3	15
4	19
5	23
6	27
7	31
8	36
9	40
10	45
11	49
12	54
13	60
14	64
15	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Развод. Марш- бросок к свободе

Глава

— Ань, а ты когда за меня замуж выходила, понимала, что я до полковника дослужусь? — Женька поправляет воротник парадного костюма.

Рядом на вешалке висит его выходной гражданский костюм, не для гарнизона, а для редких выездов в город. Тёмно-синий пиджак, из-под него торчит белая рубашка.

— Конечно, — улыбаюсь, поправляя серёжку в ухе. — Я всегда в тебя верила. Ещё на первом свидании поняла: из тебя генерал выйдет.

Он смеётся, лицо становится довольным — похож на мартовского кота.

— И на секунду не пожалела, что приехали из цивилизации сюда? — спрашивает с прищуром, будто проверяет — не вру ли я.

Конечно, пожалела. Тысячу раз за пятнадцать лет. Выходила замуж за военного — ладно. Обещали центральную Россию, город с театром и нормальным роддомом, а привезли в Мурманскую область, где до ближайшего «нормального» магазина — три часа на машине, а за окном — сосны, сопки и вечный ветер с Баренцева моря.

Ему-то удобно, он от начальства подальше, любимая работа — обеспечением части ведает, сразу заместителем назначили.

А у меня? Гарнизон на пять улиц, школа и детский сад в одном здании, библиотека, которая закрывается в пять вечера. Просто предел мечтаний для девушки с филфака МГУ. Сына успела у себя в городе родить и с малышом по бездорожью в глухомань...

— Да какая уже разница, — отвечаю легко. — И тут освоилась, Мурманская область стала как родная.

Вру. Но не из злости, а из привычки, так проще жить: не напоминать ему, что я пожертвовала, и не напоминать себе — чем пожертвовала.

— Ты готов? — спрашиваю. — Я сегодня за рулём. А то как бы тебе звёздочку со дна стакана не доставать к концу вечера.

Как я не люблю все эти попойки. Вроде и повод есть, но и на одной рюмке всё не заканчивается. А если с другом своим Толиком закусятся — то пока друг друга не перепьют, не успокоятся. Хорошо, что мероприятия у нас редко, а то бы спились давно.

Машина — тёмно-синий внедорожник, купленный три года назад на серьёзную премию. Не люблю на ней ездить, габариты не чувствую, но зато по бездорожью самое-то лететь.

Женька устраивается на пассажирском, откидывает сиденье с лёгким вздохом. Чехол с костюмом аккуратно складывает на заднее сиденье.

Отъезжаю от дома. Смотрю на лощёного мужа, как-то никак он не бьётся с той глушью, где мы служим.

— Ты сейчас похож на содержанца — красивый, холёный, одет с иголочки, и я тебя куда-то везу, — подмигиваю. — Сейчас как завезу тебя в лес.

— Ань... — его рука скользит мне на колено. — Давай ещё ребёнка заделаем?

Смеюсь, не отводя глаз от заснеженной дороги.

— Жень, Матвею уже почти шестнадцать. Понимаю, последний вагон и сейчас тенденция изменилась, но я что-то не знаю. Хочется театр, цирк с детьми не только в отпуске, и других благ цивилизации. А не затариваться подгузниками на год вперёд, потому что ехать за ними — туда и обратно нужно целый день.

— Ну, а тогда просто пошалим? Вспомним молодость, — шепчет он, придвигаясь ближе. Губы касаются шеи, пахнет одеколоном. — Помнишь, как у нас с тобой на заднем сиденье было?

Угугаю. Но что-то с моей памятью, не помню я ничего подобного.

Женька настойчив, целует горячо, рука скользит выше по бедру. Я смеюсь сквозь поцелуй, но тут — звонок. Громкий, вибрирующий по всему салону.

Муж отрывается от меня с досадой. Смотрит на экран.

— Кайфолом! Что же всем неймётся прямо в самый пикантный момент, а? — бросает мне с усмешкой. — Наш вечный замполит. Что ж тебе всё неймётся, а.

Берёт трубку, говорит сквозь смех.

— Алё, Толя... Да, едем уже... Что? Все собрались? Нас только и ждёте, говоришь? — Он закатывает глаза, но в голосе едва заметное раздражение. — Ладно, через десять минут у ресторана.

Кладёт трубку, вздыхает с театральной тяжестью.

— Всё как в жизни: то ребёнок спал рядом в кроватке — тише воды, ниже травы надо было. Теперь подросток — не поймёшь, спит или в наушниках музыку слушает, а не хочется пред сыном впросак попасть. Понимаю, что он уже всё знает, но рамки приличия же должны быть. И даже когда мы одни, и никто по идее не может помешать, как только под юбку к тебе лезу, кто-то о нас вспоминает. Я так скоро и забуду, как у людей секс нормальный происходит, и как же-на моя выглядит без одежды. Непорядок. Может, ну его, все эти мероприятия, звание мне и так присвоят. По документам уже, скорее всего, полковник.

— Нет, всё должно быть как надо. Потерпи, говорят, что воздержание полезно, — натягиваю улыбку.

— А Матвей к нам приедет?

— Не знаю, я ему одежду приготовила. Но сам знаешь, он терпеть не может ваш солдафонский юмор, все эти ваши сборы.

Самый большой ужас для Матвея — пойти по стопам отца. И как бы сейчас ни давил на него Женька, сын всячески старается выскользнуть из его ожиданий. Даже решил поступать в гражданский медицинский, и теперь зубрит химию и

биологию.

Ресторан «Заполярье» — единственный приличный зал в районе, не в самом гарнизоне, а в соседнем посёлке, куда специально приехали сегодня. Уже издалека вижу толпу у входа: мужики в парадных кителях, несколько женщин в нарядных платьях. Сегодня массовые поздравлялки к приезду какой-то комиссии из столицы.

Останавливаемся, Женька выходит из машины, и сразу его окружают. Хлопают по плечу, жмут руку, кричат «товарищ полковник!» с уважением и лёгкой издёвкой одновременно.

Выпивают первую ещё на пороге зала, так сказать, для «сугрева».

— Ну что, мужики, — гремит кто-то из толпы, поднимая бокал. — Надо сказать спасибо нашим жёнам! Без них ни звёзд, ни погон!

Смех, одобрительный гул. Женька кивает, расплывается в хищной улыбке.

— А ещё за тех подруг, что поднимают нам не только дух, — муж подмигивает, потом начинает смеяться. Ох уж эти сальные шуточки. — А то в командировках бывает скучно и грустно.

— И спать одному страшно, — кто-то выкрикивает из мужиков.

Подруги для «спанья»? Я правильно всё услышала? Милый, а у тебя тоже такая есть?

— Ань, поздравляю! Теперь ты жена полковника! Это ж почти генеральша! — Зоя, жена майора Семёнова, хватает меня за локоть. — Ты чего стоишь, как неродная? Мы уже одну бутылку шипучки выпили, и ты не отделайся от коллектива.

Как я не люблю все эти женские коллективы, схожусь с ними плохо, сплетни не распространяю, в наращённых волосах и ногтях разбираюсь плохо. Но делать нечего, молча иду за сегодняшней подружкой.

Смотрю на происходящее. Зал весь сияет, столы накрыты по-праздничному: скатерти белые, салфетки, сложенные конвертиком, бокалы сверкают.

Мужчины тут же занимают дальний стол у окна. Снимают фуражки, расстёгивают воротники, уже тянутся к горячительному. Женщины собираются у входа. Все в платьях, нарядные, красивые.

— Девочки, — Зоя не унимается. — Пусть мужики сейчас сами сядут, пока закуска, то да сё, они поговорят, а под горячее и мы к ним присядем. Зачем нам их трёп слушать: то начальство ругают, то погоду, то нас с вами. Будем умнее.

Все смеются. Я улыбаюсь вежливо в ответ. Садимся пока женским кружком. Смотрю на мужской стол. Женька уже сидит между двумя товарищами, Анатолием и ещё каким-то

капитаном. Рассказывает что-то, жестикулирует, все смеются. Потом Толик что-то шепчет ему на ухо, и Женька кивает, подмигивает.

«Подруги, что поднимают дух...» — зачем я это услышала, зачем зацепилась за фразу, может, она ничего и не значит. Мало ли чем мужики друг перед другом хвастаются, это как на рыбалке — немного преувеличить, не значит соврать.

Глотаю ком в горле. Наливаю себе минералки, делаю глоток — пузырьки больно бьют в нос.

— Ань, ты чего такая бледная? — спрашивает Зоя. — Муж-то твой сегодня красавец. Смотри, как на него все смотрят! Он у тебя и так мужик видный, на гражданке уже бы давно увели. А тут у нас все на виду, лишнего шага не сделаешь.

В зале шумно. Мужики уже по второй тянут, голоса громче, смех грубее. Женщины перешли на тему детей и ремонта. Я отхожу к окну подышать. За стеклом сопки, снег, фонари у дороги. Наша глушь. Красивая, но чужая.

И тут в дверях — фигура в куртке с капюшоном — Матвей, мог бы и пальто надеть, отец потом снова бухтеть начнёт. Высокий, плечи уже широкие, хоть и шестнадцать, но уже выглядит как мужик.

— Матвей, — зовёт его Женька. Сын машет в ответ, сам глазами кого-то ищет. Иду к нему.

— Мам, это тебе, — протягивает букет кустовых роз.

— Ооооо, — поднимается по залу.

— Не обращай на них внимания, солдафоны, сам понимаешь, — стараюсь сгладить общее впечатление.

— Я же привык. Мам, я тебя тоже поздравляю, думаю, без тебя отец бы никогда до этого не дошёл. Ты ему давала ориентир, была опорой, той стеной, которая всегда рядом.

Материнское сердце тает. Повезёт же какой-то барышне, что ей такой внимательный парень достанется.

— Ты же не собирался! — радуюсь я. — Я думала, ты с друзьями...

— Передумал, — пожимает плечами. — Отец звёзды получает, надо поздравить.

— Он там, у окна, — показываю.

Матвей кивает, идёт, следуя за ним — не рядом, а сбоку, чтобы не мешать «мужскому моменту».

Подходит к столу. Мужики замолкают на секунду — видят: сын полковника.

— О, Женька, а у тебя смотри, какая достойная замена подрастает! Ты ему местечко придержи, семейный подряд — всё как в лучших семьях.

— Пап, — говорит Матвей. — Поздравляю.

Женька встаёт, хлопает сына по плечу, потом по-отечески обнимает. Но в глазах — гордость, настоящая, непоказная.

— Спасибо, сынок. Рад, что приехал, а я думал, с друзьями где-то в комп гоняешь. Ну, по случаю мог бы и одеться по-человечески.

— Тебе тут небольшой подарок, — Матвей протягивает

пакет.

Мужики одобрительно гуляют.

— Смотрите, какой парень! Прямо отцовская копия! — гремит Анатолий.

— Только в медики подался, — усмехается кто-то.

— Не хочет по стопам топтать, — Женька морщится еле заметно, но тут же делает вид, что всё хорошо. — Зато он у нас умный, будущий врач — благородная профессия.

Матвей кивает. Молчит. Я стою чуть позади, у стены. Притворяюсь, что рассматриваю меню на стенде. Но слух — на полную.

Женька разворачивает подарок. Не вижу, что это. Книга, альбом, рамка?

— Пап, — тихо говорит Матвей, наклоняясь к отцу. — Тебе имя Илона о чём-то говорит?

Женька замирает, кажется, даже дышать перестал.

— Откуда у тебя это? — шипит ему на ухо. — Ты решил меня сдать? — трясёт тем, что вытащил из пакета. — Нашёл место и время.

— Нет, — тихо отвечает сын.

— Смотри, чтобы мать нас не спалила.

— Жень, — тихо спрашиваю, наклоняясь к нему. — А что это Матвей не должен был мне показывать? Что для меня должно остаться секретом?

Глажу мужа по спине, как будто создаю иллюзию, что уже обо всём знаю.

Он вздрагивает еле заметно, но я чувствую, как напрягаются мышцы спины.

— Вот ничего от тебя не ускользнёт, всегда ушки на макушке. Да ерунда, правда, сын? — отмахивается, но глаза уходят в сторону, ищет поддержки у Матвея. — Мужское дело, молодёжная глупость. Мы же у тебя не спрашиваем, о чём ты там с девчонками смеялась, хотя нам тоже очень интересно. Вдруг вы молодых и красивых обсуждаете.

— Жень, ну кто тут кроме тебя молодой и красивый, — делаю вид, что заигрываю. — А обсуждать тебя с другими женщинами, ну такое себе. Так что рассказывайте, какая ещё глупость в шестнадцать? — усмехаюсь, чтобы не выдать тревогу. — Дратся собрался? Или в карты проигрался?

Женька поворачивается ко мне. Берёт лицо ладонями — жёстко, по-хозяйски, так чтобы все видели — целует меня в губы.

— Не лезь, Ань. Правда. Это... между мной и сыном. Мужчины разберутся, ты же не хочешь, чтобы у нас был сы-

ночка-корзиночка. Вот и доверься нам, мы тебя хоть раз подвели?

Да кто ж теперь знает, подводили или нет: то подруги какие-то непонятные, то Илона.

Женька возвращается за стол, берёт бутылку, наливает соседу. Вливается в разговор, как будто ничего не произошло. Но этот взгляд... Я хорошо его знаю.

— Всё, мамуль, мне пора. Честь, так сказать, отдал, можно и своими делами заниматься.

Смотрю на Матвея. Он стоит у выхода, натягивает куртку. Лицо недовольное, на нём смесь брезгливости и злости или что-то хуже — презрение. К отцу? К себе? Ко мне?

Наши глаза встречаются. Он смотрит — долго, пристально, будто ждёт вопроса. Ждёт, что я подойду, возьму за руку, спрошу: «Сынок, что случилось?»

Но я молчу.

Потому что знаю: если спрошу лишнего, он замкнётся, потом выковыривай из него слова.

Женька у нас серьёзный молчун, любую информацию сначала перетирает сам, потом только выдаёт окружающим. Когда летом он расстался со своей первой любовью, он почти неделю молчал, вернее говорил, но не больше сотни слов за всё время: только «да», «нет», «поел».

— Мне пора, — бросает он в пространство.

Пусть, — думаю. Пусть сам решит, когда расскажет. Давить — только хуже.

Возвращаюсь за стол.

Но имя уже врезалось в голову. Илона. Редкое, какое-то иностранное? Таких у нас в гарнизоне и нет, а в командировках Женькиных — не исключено, но вряд ли их так много. Если бы была Оля или, например, Лена, то поиск был бы сложнее.

Не могу есть и веселиться, когда не понимаю, что происходит вокруг. А лезть в социальные сети, рыскать прямо тут — как-то не очень прилично. Снова поднимаюсь из-за стола.

— Аня, ну ты хоть с нами посиди. Всё куда-то бегаешь, что-то суетишься. Хочешь показать, какая ты хорошая жена, а у нас на фоне тебя комплексы развились? Куда собралась? — спрашивает Зоя.

— Носик припудрю и вернусь, — вру, чтобы отстала. — Шипучка ударила в голову.

Иду по коридору. За спиной — галдёж, смех, тосты. «За полковника! За новое звание, за новые горизонты».

Даже в туалете нет тишины, крики доносятся и сюда. Одна кабинка закрыта, из-под двери видны каблук. Кто-то тоже спрятался от этого веселья.

Достаю телефон. Захожу в соцсети, ищу страницу мужа. Вдоль и поперёк просматриваю всех его друзей и подписчиков — нет Илоны, а вдруг она скрывается под каким-то «Рыжим солнышком» и прочей нечестью.

Начинаю искать просто Илон в ближайших городах, в области, куда Женька так зачастил в командировку. Есть одна,

но страница закрыта.

Илона.

Кто ты? Откуда? И почему мой муж так испугался одного имени?

Возвращаюсь в зал. Женька уже подвыпивший — щёки красные, глаза блестят. Рассказывает историю про учения в Псковской области — все ржут. Анатолий хлопает его по спине.

— Женя, ты ж герой! — орёт кто-то.

Он улыбается, доволен собой.

Подхожу, кладу руку на плечо.

— Устала, — говорю ему на ухо. — Поеду домой, а ты оставайся сколько нужно. Всё-таки твой праздник.

Он кивает, решение принимает слишком быстро.

— Да, конечно, поедem. — поворачивается к мужикам. — Ребята, извиняйте, жена зовёт.

Мужики подмигивают.

— Ну ты даёшь, Женька! Всё ещё молодой! Полковник, а всё ещё «каблук»! — кричат вслед.

— Мужики, как всегда. А я и рад быть «каблуком» под ногами любимой женщины, — шепчет мне на ухо.

Ну-ну, сначала выясним, кто такая Илона, а потом посмотрим.

— Жень, а ты почему так быстро собрался? — спрашиваю у мужа уже на парковке. — Из-за меня не надо уезжать. Ты много работаешь, отдохни, это твой праздник!

Сейчас у меня одно желание — уехать одной. Нужно и подумать, и поискать в его вещах хоть какие-то зацепки. Ну не может быть, чтобы человек был, а никаких следов о нём не было. Даже если Женька всё тщательно скрывает, то свидания не проходят бесследно: фото в телефоне, билет на поезд, записка в кармане кителя... Что-то должно остаться!

Женька смотрит на меня, не пойму, что изменилось во взгляде. Или я себя накручиваю.

— А ты меня удивляешь, — говорит он медленно, будто каждое слово проверяет на прочность. — Я думал, тебе будет приятно, что я с тобой ушёл. Сейчас все напыются, начнут выяснять, кто на кого глянул не так, потом передерутся. А если ещё выяснится, что кто-то с кем-то спит, ой нет.

Женька смешно кривится. Как будто говорит о чужих людях. О чужой жизни.

Какой у нас интересный разговор начинается — ни разу за всё время мы не поднимали эту тему. Может, это всё неспроста... Может, он сам сегодня проверяет — знаю ли я уже слишком много.

Включаю подсветку зеркала, поправляю прядь волос. Ру-

ки дрожат — еле заметно, но я чувствую. Не могу понять, как себя вести. Закатить скандал, пока не за что особо зацепиться, кроме того, что есть некая Илона. Успокаиваю себя, что крючок есть, а до сути я обязательно доберусь. Главное, не спугнуть, не дать ему понять, что я уже кое-что знаю.

— А что, у нас много у кого есть любовницы? — спрашиваю как можно спокойнее. — Девчонки сегодня делились, что подозревают мужиков своих, не зря они так часто по командировкам ездить стали. Кто-то средства контрацепции в чемодане нашёл, кто-то переписку в телефоне. Как жить во лжи? Я даже не знаю, хотела бы я знать, если бы ты на стороне кого-то зажал.

Тараторю без умолку, подсматриваю за мужем, он абсолютно спокоен.

— Ну, ради справедливости, — Женька привстаёт, садится поудобнее. Рука лежит на моём колене — тяжёлая, уверенная. — Не все ваши девочки, как ты их назвала, примерные жёны. На некоторых пробу уже ставить негде.

Завожу машину, может, дорога располагает к откровенной беседе?

— Серьёзно? — искренне удивляюсь, хотя знаю, что муж прав. Гарнизон — свой мир, который часто не подчиняется «большой земле». Здесь законы просты: близко жить, мало развлечений, мужики в отъезде, жёны — одни. — А я никогда бы не подумала, что люди в таком маленьком пространстве, где все друг о друге знают, могут к кому-то под одеяло

лечь.

Женька начинает смеяться, всё-таки в подпитии он совсем другой — излишне разговорчивый, куда-то уходит строгость, принципиальность.

— Интересно, — продолжаю, включая поворотники. За окном фонари, редкие, как маяки в океане. Дальше только тайга и темнота. — Как люди живут с таким грузом. Мне кажется, если бы я подгульнула, я бы с ума сошла. Даже не оттого, что предала себя, тебя, нашу семью, а оттого, что обязана всё время хранить этот секрет. Это же ужас!

— Ань, ты у меня святая женщина, — говорит он мягко, почти нежно. — Я в тебе уверен на сто процентов. Я поэтому и в командировки езжу, потому что знаю, что в моё гнездо никто не залезет. Иначе бы я тебя сторожил, знаешь как.

Слово «гнездо» режет слух.

— А если бы вдруг я оступилась, ну теоретически, что было бы?

Он молчит. Машина проезжает под мостом, на секунду становится совсем темно. Только красные огоньки приборной панели, как глаза зверя в ночи.

— Не знаю, — говорит он тихо, но у меня появляются мурашки. — Наверное, вывез бы в тайгу, от людей подальше. К дереву привязал. А там пусть мир решает, что с тобой делать: быть съеденной, замёрзнуть или от голода и обезвоживания умереть.

Хочу рассмеяться, это же шутка, правда? Но всё тело ско-

вывает судорогой. Кажется, он не шутит. В его голосе — не злоба, а мертвецкий холод, как в фильмах, когда отдают приказ: «ликвидировать», «уничтожить».

— А того, кто на тебя глянул, на дуэль бы вызвал, — говорит он. — Без секундантов. Один на один, а сама знаешь, я в тире десять из десяти выбиваю. Я бы не промахнулся.

— Ты же несерьёзно?

— А ты проверь, — отвечает он.

В салоне висит тишина, только шум колёс. Выехали на грунтовку, машина подпрыгивает на ухабах, фары выхватывают из темноты сосны, похожие на часовых. Я смотрю на свои руки — дрожат. По спине бегут мурашки. Не от холода. От понимания: этот человек, с которым я живу столько пятнадцать лет, только что описал мою смерть... и не дрогнул.

— А я бы с тобой поговорила сначала, — говорю тихо, будто пробуя лёд под ногами. — Вдруг ты правда полюбил... Думаю, я бы поняла.

Он поворачивается ко мне. В темноте видны только контуры лица: скулы, подбородок, блеск глаз.

— Ты можешь быть спокойна, — говорит он. — Я свой выбор не предаю.

А я впервые за столько лет понимаю: я не знаю этого человека.

И боюсь узнать.

— Слушай, ну я же пошутил, что ты на меня как на сумасшедшего смотришь, — Женька отшучивается. Видимо, ощущение от нашего разговора до сих пор отражается на моём лице. — Я же мирный, пусть и немного вспыльчивый. Я тебя никогда и пальцем не трону.

Понимающе киваю, иду в ванную. Какие-то странные мысли лезут в голову. Как много историй, которые показывают, что мы так плохо знаем тех, с кем мы живём. Сколько серийных маньяков вели двойную жизнь, а жёны и дети думали, что папа — примерный семьянин.

Гоню от себя эти мысли, понятно, что я обижена, расстроена. Где-то даже в шоке, но мозги терять не нужно.

Возвращаюсь, муж уже спит. Вырубился сразу, как только голова коснулась подушки. Спиртное, усталость, звёзды на погонах — смесь, от которой сносит голову даже крепким мужикам.

Сажу на краю кровати. Сердце колотится, как у подростка после первой сигареты.

Илона. Илона!

Пulseирует в голове: чем она лучше? Что в ней такого, что муж вот так со мной поступил?

Стараюсь успокоиться, подытожить, что я поняла. Матвей показал фото? Где он его прячет, куда эта девушка его при-

слала. Социальные сети, почта, сообщение?

Разум меня покидает.

Босиком прохожу в коридор. Сначала Женькин телефон. Беру с тумбочки, ввожу пароль, листаю: рабочие чаты, переписка с Анатолием, смски от меня. Ничего. Может, у него есть второй телефон?

Что с собой он берёт в каждую поездку — чемодан! Иду в кладовку, вытаскиваю на середину коридора, заглядываю в каждый отсек, каждый кармашек. Прощупываю куртки на вешалках, даже в очечник смотрю.

Руки дрожат. Лезу в карманы кителя, висящего на вешалке. Конверт с деньгами моими, на продукты. Записка: «Сдать до 15-го». И всё, вернее ничего, что могло бы мне помочь.

Разве так бывает.

Тут в голове рождается новая мысль: а вдруг я что-то не так поняла. Может, у Женьки нет никакой Илоны, а она есть у Матвея. И не любовница моего мужа. Может, я просто в этом шуме ошиблась? Сажусь на пол. Смешно, почти двадцать лет знакомы, столько лет замужем — и вот я, жена полковника, сижу на полу, роюсь в карманах, как какая-то воровка. Докатилась. Стыдно. Лицо горит, хочется заплакать, но не от обиды, а от унижения. От себя самой.

Но тут же голос внутри отвечает: а надо из меня дуру делать? Он сам начал. Он сам назвал имя, а я должна сидеть, улыбаться и верить, что «это враньё»?

Встаю. Решение принято.

Иду в комнату Матвея.

Дверь приоткрыта, он никогда не запирает. Спальня сына: постеры медицинских атласов на стенах, учебники горой на столе, запах мятной жвачки. Прохожу мимо боксёрской груши, бью со всей силы, больно.

Чувствую себя предателем, это его пространство, его тайны. Я не имею права влезать в это вот так.

Но шепчу себе, как мантру: ищу только одно — подтверждение. Всё, что увижу про него, — игнорирую: не читаю, не запоминаю. Я не шпионка. Я сейчас не мать, а только жена, которая пытается понять — врёт ли муж.

Сажусь за стол. Большой, новый игровой компьютер, монитор почти как настенный телевизор. Нажимаю на кнопку запуска, системник начинает кряхтеть. А вдруг Матвей пароль поставил, тогда всё сломается?

Нет, никто от меня ничего не скрывает намеренно, вот, Аня, сама и добывай себе информацию.

Загружаются социальные сети, противно лезть в личное.

Проверяю подписчиков: одноклассники, пара учителей, друзья. Никакой Илоны.

Может, у неё какой-то ник? Открываю всё, что вызывает любопытство.

Айлони... Что?

Илона.

Ох... смесь стыда и волнения, но пальцы сами нажимают на мышку.

Три сообщения.

Айлони: Привет. Я Илона, думаю, нам надо было познакомиться. Я подруга твоего папы. Давай созвонимся.

Матвей: Зачем?

Айлони: Может, это тебе подскажет зачем...

«Изображение удалено»

Что ж там было? Захожу в аккаунт, новый, создан две недели назад, нет фоток, друзей, ничего.

Маловато информации... Слышу, как хлопает входная дверь. Вскакиваю, нажимаю на сетевой фильтр — отключаю, через секунду включаю заново. Надеюсь, пока сын разуеться, никаких следов от моего вмешательства не останется.

— Мам, а вы же вернулись? — сын кричит, по шагам понимаю, что пошёл в кухню.

— Да, стары мы уже для таких мероприятий: душно, громко.

— А ты что в моей комнате делаешь? — встречаемся в дверном проёме.

— Свет моргнул, видимо, электрическое напряжение скакнуло. Вот пошла проверять, вдруг техника погорела. Помнишь, у нас лет пять назад микроволновка так накрылась.

— Мам, у меня в бесперебойник подключен, мой комп просто так не отключить.

— Ань, не сильно я вчера странно себя вёл? Не в открытую приставал с похабными словами, — муж спрашивает, заходя в кухню. — Алкоголь, звёзды, эмоции... Знаешь, как бывает.

Женька подходит сзади. Я только успела налить себе кофе и сделать омлет. Надеялась поесть одной и смотаться из дома. Специально записалась на стрижку и последние сплетни собрать, и понять, как вести себя дома дальше.

Женька подходит ближе, обнимает меня сзади. Руки тёплые, такие знакомые. Оборачиваюсь, муж улыбается — широкоплечий, с седыми висками, с той самой улыбкой, которая раньше заставляла сердце трепетать. Сейчас чувствую только холодок в животе.

Прислушиваюсь к себе, обычно говорят, что женщина чувствует, когда её предают, её тело бунтует, в животе холод, в горле ком. Моё нет, никаких знаков. Только мысли, которые крутятся, как белка в колесе.

— Я тебе говорил, что ты у меня самая красивая?

Голос нежный, ещё вчера утром я бы растаяла. А сейчас жду во всём подвох.

— Да ладно, Жень, нормально всё было, — отвечаю, отводя взгляд. — Просто устала. Голова после шумного вечера.

Он кивает, пьёт кофе. Целует меня в висок — горячо, по-

домашнему. Я стою, как манекен, не отвечаю, просто не могу — нет сил.

— Доброе утро, — заходит Матвей. Заспанный, всклокоченный. — Мам, есть что поесть?

Быстро накрываю на стол. Стараюсь понять, как ведут себя мужики, как обычно, или есть что-то новое? Смотрю на Женьку — спокойный, улыбается, жуёт омлет. Матвей молчит, ковыряет вилкой яичницу. Ничего, никаких переглядов, жестов, непонятных слов.

— Пойду умоюсь, — бросаю и выхожу в коридор.

Запираюсь в ванной. Вода холодная — бодрит, выдёргивает из странных мыслей и возвращает в момент. Струя бьёт по лицу, по шее, по рукам.

Смотрю в зеркало: а я и правда ещё ничего. Ты с ума сходишь, Аня. Может, и правда всё в голове?

Вытираю лицо. Открываю дверь аккуратно, чтобы не издать никаких звуков.

И замираю.

В кухне шёпот. Женя и Матвей. Сын стоит у стены, Женька наклонился к нему, рука на плече — крепко, по-отцовски. Говорят тихо, быстро. Я успеваю уловить:

— ...она не должна знать... Ты с ума сошёл, зачем ей эти переживания? Ты думаешь, она поймёт?

— ...Илона написала...

— ...Заблокируй. Мать, если узнает...

Конечно, узнает, как вы хотели.

Делаю шаг вперёд. Громко, чтобы они слышали.

— Больше двух — говорят вслух, — захожу в кухню, сажусь на своё место. — А то я подумаю, что вы или обо мне что-то плохое говорите, или у вас секреты.

Женя вздрагивает — еле заметно. Но тут же расплывается в улыбке. Широкой. Хищной.

— Секреты? — смеётся. — Да у нас с сыном и мыслей-то своих нет, всё ты за нас думаешь! Детектив получше любого, чуйка у тебя — о-го-го! Я так яблочного повидла хочу, вот того с мандарином и корицей, не осталось ли у нас баночки.

Ничего себе, как у него мозг работает — переключается на раз-два. И так убедительно. Как актёр. Как лжец. Или я схожу с ума?

— Нет, я не варила в этом году. Ты сказал, что только сахар переводу, а он дорогой, в закрутки никто не ест, — натягиваю улыбку. Перевожу взгляд на сына.

Матвей молчит, смотрит в пол. Пальцы сжимают край стола.

Он знает и видит, что я вижу и всё знаю, но молчит.

Всё жду, что сын как-то намекнёт, что у него есть информация для меня. Но Матвей молчит, только прячет глаза, а его шея покрывается мелкими красными пятнышками. Эта реакция у него с детства, такой индикатор лжи. В семь лет съел конфету и сказал, что это кот. В тринадцать почти две недели прогуливал уроки, а всем говорил, что в школе. И сейчас, когда почти мужчина, а контролировать свои эмоции

так и не научился.

— Вот, всё ты помнишь, — Женья откидывается на стуле, будто только что вспомнил. — В мединститут скоро день открытых дверей. Может, съездим? Матвей, ты ж мечтал, вот сразу и с преподами познакомимся, и с ребятами. Посмотришь, что и как.

Сын кивает, но как-то без энтузиазма. Встаёт, убирает тарелку в раковину. Молча, как будто не хочет участвовать в этом спектакле.

— Конечно, не против, — говорю осторожно. — Когда? И я с вами, погуляем, могу в театр билеты купить.

— На следующей неделе. В субботу, — Женья потягивается, как будто этот разговор его сильно утомил. — Мы с Матвеем поедem. Там в казарме переночуем, близко к институту, удобно. Ты же понимаешь: среди сотни мужиков одной женщине не место. Да и тебе тяжело будет — дорога, холод... Солдафоны опять же. Ты от нас отдохни, девичник устрой, или маму в гости позови. А у нас мужские дела, женщинам там не место.

— Пап, — Матвей стоит надо мной, говорит тихо, но в голосе есть твёрдость. Вырос сын, а я и не заметил. — Маме надо всё рассказать, она не заслуживает такого отношения.

Кладу вилку на стол, еда поперёк горла встала. Я думал, что вчера всё решили, что снова начинается?

Оглядываюсь, точно ли Анька не слышит. Сын так и лезет на рожон, уже какой раз подходит и начинает в лоб от меня чего-то требовать.

Смотрю на него, как же похож на меня в его возрасте: кажется, что ничего его не может сломить, в глазах — жажда правды. Но гонор его немного уменьшить нужно, чтобы потом жизнь по хребту не долбанула.

Закрываю глаза. Считаю до трёх, потом до десяти. Не помогает. Почему дома я не могу отдать приказ — выкинуть дурь из головы!

— Ты с ума сошёл? — спрашиваю, но голос уже не мой — на тон ниже. — Завтракай и иди заниматься. И перед тем как что-то делать, дважды подумай! Ну, беги, давай, неси матери в клювике сплетню, только мужики так не делают.

— Нет, — качает головой. — Просто... она заслуживает знать правду. Ты же сам говорил: честность — основа жизни. Ну, есть у тебя эта Илона. А если она маме напишет, думаешь, она мне простит, что я знал и скрывал? Покрывал твои

похождения? Она не заслуживает этого!

Сын начинает распыляться, щёки краснеют, по шее идут пятна.

— Ешь омлет, а то остынет. И ты остынь. Как думаешь, какая будет реакция, если ты вот так в лоб всё вывалишь? Жизнь, сынок, сложнее твоих учебников. Там нет «правды» и «неправды». Есть выживание. Есть семья. Есть то, что можно сказать, — и то, что лучше прикусить язык до крови.

Сын подвигает к себе тарелку.

— Ты понимаешь, что ты делаешь? — спрашиваю тихо. — Если тебе кажется, что ты герой, то я тебя спешу расстроить. Ты предатель. Ты лезешь в чужую жизнь, думая о каких-то там побуждениях. Откуда ты знаешь, что для неё лучше? Она сейчас счастлива? У неё есть всё — семья, прекрасный сын, муж — просто гордость гарнизона, она вся в нас растворилась. А теперь представь, что мы не разведёмся, а вот эта заноза будет в ней гнить вечно. Пожалей её.

Матвей моргает. Первый раз за разговор, конечно, его принципиальность дала трещину.

— Я не предатель. Я... защищаю маму.

— Защищаешь? — смеюсь громче, психологическое давление у меня на отлично усвоено и отработано. — А что она с этой правдой будет делать, а? Скажи мне, гений! Будет жить дальше — и каждый день смотреть на меня с ненавистью? Каждую ночь ворочаться и думать: «Мой муж — сволочь»? А если даже разведётся, дальше что? Останется одна в этой

глухомани? Без денег? Без дома? Ты ей квартиру купишь? Или в общежитие отправишь — к соседкам: медичке и библиотекарше. Достойная старость!

Он молчит. Сжимает челюсть. Вижу, думает! Хорошо, это полезно.

— Ты не знаешь жизни, — продолжаю, уже тише. — Ты видишь мир в чёрно-белом. Любовь — хорошо. Измена — плохо, а ещё есть ошибки, случайности и выбор.

— А Илона, она кто из этого списка? — бросает вилку. Нет, какой-то малахольный, надо его к дисциплине приучать.

Слышу, как затихает вода в ванной. Не дай бог, Матвей матери к утреннему кофе выдаст порцию правды. Никогда даже мысли не появлялось, что что-то может всплыть, даже версии для оправданий нет.

Встаю, иду к окну. Сложный какой-то разговор, куда ни поверни, везде какие-то зацепки.

— Ты думаешь, я горжусь этим? — спрашиваю, не оборачиваясь. — Нет, но дерьмом себя не чувствую. Они обе счастливы. С Илоной я поговорю, чтобы не отсвечивала.

— Правда? Ты серьёзно? Мать сильная, — наконец говорит. — Она справится. Я бы точно не хотел быть на её месте. Меня от этого гарнизона уже тошнит.

— Ничего, потерпишь. Аня справится? — пора завершать этот разговор, он мне всё меньше нравится. — Ты её знаешь? Она пятнадцать лет жила ради меня. Ради тебя. Ради этой...

этой крепости, которую мы построили. А ты хочешь прийти с кувалдой — и разбить всё одним ударом? Смелее. Я готов, давай! Зову?

Смотрю на сына — дрогнул. Всё, на сегодня можно быть спокойным, а что будет завтра? Сынок теперь будет каждый день вот такие нравоучительные истерики устраивать? Матвей, как опухоль, — надо устранить.

Подхожу ближе. Беру его за плечо крепко, по-отцовски.

Матвей смотрит на меня, старается понять, что я задумал. А у меня есть козырь в кармане.

— Давай договоримся, — говорю тихо. — Мужское соглашение. Ты не лезешь туда, куда тебя не просят. Не пишешь Илоне, не показываешь матери её сообщения. Не становишься между нами.

Он молчит. Ждёт.

— А я... — делаю паузу. — Я отпускаю тебя в медицинский. Ты хочешь быть врачом — будь. Я не буду спорить! И даже готов коммерческое обучение оплатить, у тебя все шансы поступить. И уехать отсюда. Выбирай институт.

Его глаза расширяются — съел наживку.

— И это всё? — спрашивает.

— Если пойдёшь наперекор, скажешь матери, если покажешь ей что-то, что не должен... Я отправлю тебя на казарменный режим. В военное училище, в самое строгое, где тюрьма кажется раем. Там мозги встанут на место.

Дверь из ванной открывается. Взглядом показываю сыну,

что Аня сейчас придёт, и сейчас его выбор дальнейшей жизни.

Матвей смотрит на меня. Я — на него. Два мужика. Отец и сын. Враги и союзники.

— Ты меня шантажируешь? — наконец говорит он.

— Нет, — отвечаю. — Я предлагаю сделку. Выбор. Ты же взрослый, сам всё решаешь.

Оборачиваюсь, Аня стоит у двери. Интересно, что она слышала. Но судя по спокойному лицу, ничего.

— Что у вас за секретики? — она смотрит на сына. Он ещё сильнее покрывается пятнами, ну так дело не пойдёт, надо скорее переводить разговор.

— Я тут подумал, что из сына получится прекрасный хирург. Посмотри, какие у него тонкие и длинные пальцы, ими только скальпель держать. Мы тут с Мотей подумали, в медицинском день открытых дверей, надо поехать посмотреть. Правда, сын?

Аня

— Мам, спасибо, как всегда очень вкусно. Я к ребятам.

— Сын останавливается у мойки, с презрением смотрит на отца. Женька спокоен, кажется, что его ничего не может выбить из колеи.

Матвей выходит из кухни, не дожидаясь нашего согласия.

— А сын наш совсем вырос, Ань, — Женька вздыхает. Кажется, он даже рад, что сын ушёл. Быть на крючке у сына — ничего его достоинства. Ничего, я ещё с Матвеем поговорю...

— Интересно, какая жена ему достанется. Пусть такая же — понимающая, добрая, красивая, готовая пожертвовать всем. Не каждая же на это способна. Я так тебе благодарен, у вояки всегда должен быть крепкий тыл.

Смотрю на мужа, интересно, как давно он считает меня идиоткой. Неужели у меня на лбу написано, что я полная дура, проглочу всё, что дают? Я тоже думала, что у меня должна быть крепкая стена в виде мужа, а она, оказывается, «прогнивший пол».

Женька пьёт кофе, спокоен, уверен в себе, как никогда.

Он не такой сильный, каким кажется, — думаю, он просто привык, что все молчат.

— Я надеюсь, что сын пойдёт по выбранному пути. Врач

— прекрасная профессия, и её надо его подминать под себя. Жень, — говорю спокойно. Слишком спокойно для того, что кипит внутри. — Я с вами поеду.

Он отставляет чашку. Медленно, слишком медленно, будто выигрывает время и подбирает слова.

— Куда поедешь? — закусывает губу, намного наклоняет голову.

— На день открытых дверей. В субботу, я, если ты не забь, тоже родитель.

Женька моргает. Первый раз за утро — не готов к ответу. Вижу: мозг работает, просчитывает варианты. Как отказать? Как убедить? Как вернуть контроль?

— Аня, мы же договорились, — ощущение, что я недо-развитая, и чем тише и мягче он скажет, тем вероятнее, что я приму его точку зрения. — Ну хоть при сыне спорить не начала. У мальчика должен быть один авторитет — отец! Он у нас не мамкина сыночка-корзиночка.

— Жень, — голос становится ниже. — Никаких «мы же договорились». Я еду. И никакие возражения не принимаются. Я уже на эти серые дома смотреть не могу. А ты можешь дома остаться, отдохнёшь от нас, с Толяном в баню сходите, выпьете.

— Мать у нас не в настроении. Ты с утра вроде на всё согласна была, что случилось? Эти дни?

Подхожу к окну. За стеклом серость, печаль, достоевщина. Пятнадцать лет смотрю на это, и за это время ничего не

изменилось.

Помню свой первый день здесь. Вышла из машины, огляделась: пять улиц, один магазин, школа-сад в одном здании. Подумала: «Это ненадолго. Скоро переведут», рыдала каждый вечер, но верила, что всё изменится. Прошёл год. Когда Матвей в три scarlatina заболел, а в аптечке — парацетамол. А ложный круп... чуть с ума не сошла. Потом пять лет. Потом десять. А я всё стою у этого окна и смотрю на сосны.

— Сил уже нет на этот гарнизон смотреть, — говорю тихо. Я скоро завою! Поехали в театр. В кафе. В кино. Финансово мы можем себе позволить. Гостиницу приличную снимем. Давай себе нормальный отпуск устроим. Впервые за сколько лет? Три года мы на отдых не выезжали? Я же не на море, не за границу, а в областной центр хочу, дожилась!

Женька молчит. Смотрит на меня, как на незнакомку. Или как на врага, который вдруг поднял оружие.

Он не ожидал, — понимаю. Он думал, я буду молчать. Как всегда.

— Если у тебя там дела планируются, — продолжаю, поворачиваясь к нему. — Занимайся. А мы с сыном погуляем. Ребёнок в шестнадцать ничего толком не видел, как Маугли из джунглей. И да, — делаю паузу. Смотрю прямо в глаза. — Я в этой семье тоже имею право голоса. И тоже должна оценить место, куда будет поступать мой сын.

Тишина. Длинная. Тяжёлая. Женька мешает остатки кофе в чашке.

Да, милый, оказывается, у меня тоже есть характер, привык, что мне проще согласиться, чем бодаться. Теперь будешь вспоминать те дни как счастливое прошлое.

Женька смотрит на меня, потом расплывается в улыбке.

— Да давай, — говорит, вставая. — Если сама всё организуешь, мне некогда в этих твоих желаниях разбираться. И если ты устала, так почему молчишь? Я и море организовать могу, но откуда я знаю, может, ты здесь так привыкла, что никуда не хочется.

— Ты серьёзно? Я хочу сама походить по магазинам, а не писать тебе списки. Хочу новых книг. Я завидую людям, которым заказы с маркетплейсов за пару дней приходят! Господи, это же счастье, когда тебе всё доступно! Бельё хочу сама выбрать! — перехожу на рык, ещё чуть-чуть и сорвусь. А пока нельзя... Выдыхаю. — Я всё организую: куплю билеты, забронирую гостиницу. А ты... — делаю паузу. — Ты можешь заниматься своими делами.

— Ань, ну ты чего такая? — спрашивает Ирина, набрасывая на меня накидку. — Глаза красные, будто плакала.

Парикмахерская — единственная в гарнизоне. Маленькая, с двумя креслами и зеркалом, которое кривит лицо. Ирина — мастер мужской стрижки, но на данный момент единственная доступная опция в сфере красоты. Была у нас молодая, очень перспективная девчонка — укатила после шести месяцев зимы.

— Нет, Ирин, просто устала, — вру. — Вчера праздник был, Женька звёзды получил.

— А-а-а, поздравляю! — Она хлопает в ладоши и пританцовывает. — Теперь ты жена полковника! Почёт!

Улыбаюсь, но не хватает искренности.

— Ирина, — говорю тихо. — Хочу что-то новое. Красивое, дерзкое!

Она замирает. Расчёска в воздухе.

— Какое «новое»? Сама знаешь, я в курсе тенденций, но вот рука у меня только стандарт набита. Результат может огорчить...

— Стрижку. И цвет. Хочу... не знаю, доверяю тебе полностью.

Ирина смотрит на меня с удивлением, потом кивает, понимая.

— Понимаю, — говорит. — Бывает, когда муж звёзды получает, а ты остаёшься на месте.

Молчу. Она права, больно.

— Давай так, — она берёт расчёску. — Подстригаем до плеч. Лёгкая градуировка, цвет, как каштановый мёд.

Согласно киваю. Если в выходные мне суждено встретиться с соперницей, я должна быть во всеоружии.

Ирина начинает работать. Расчёска скользит по волосам, ножницы — щёлк-щёлк. Каждый звук, как шаг к новой жизни. Или к концу старой.

— Ань, а ты чего? — спрашивает Ирина, пока красит. — Всё нормально у вас? Женька-то не... не изменяет?

Замираю. Сердце замирает.

— Почему ты так спросила?

— Да мой — подлюка, нашёл себе какую-то прохиндейку в командировке. — Она пожимает плечами. — Баба там не промах, мне «привет» в чемодане передала, в кармане. Я джинсы стирать собралась, а там... Думала, убью придурка... Прижала его к стене, говорит, что у всех так. С девчонками завела разговор, и ощущение, что ни одного нормального не осталось. Может, хоть тебе повезло. Но Женька такой видный.

— Ирина, — говорю тихо. — Спасибо за звоночек, но давай поменьше сплетен. Лучше сделай красиво. — А почему все тебя называют Ирина, Ирой можно?

Она начинает гоготать.

— Можно. В детстве меня дразнили: «Ира — рот пришит криво», вот и решила, что я Ирина. Так и привыкла.

Три с половиной часа она колдует над моей головой. Готово. Снимаю накидку. Смотрю в зеркало.

И не узнаю себя.

Волосы — чуть выше плеч, цвет похож на натуральный, но очень живой, в нём столько блеска. Лицо — моложе, свежее.

— Красивая, — говорит Зина. — Женька обалдеет.

Улыбаюсь, подмигиваю. Реакцию мужа сейчас угадать тяжело.

Оплачиваю своё преображение. Выхожу на улицу. Ветер с Баренцева моря бьёт в лицо — холодный, солёный, живой. Волосы развеваются.

Иду домой. Дома тишина.

Матвей в своей комнате, слышно, как пальцы стучат по клавиатуре.

— Привет, сын, — говорю, снимая куртку.

Он оборачивается, смотрит на меня и замирает.

— Мам... — говорит тихо. — Ты... другая. Офигенная!

Улыбаюсь. Впервые за день по-настоящему.

— Да. Я решила измениться, немного освежить себя.

Сын садится рядом. Молчит, смотрит на меня пристально, как будто видит впервые.

— Мам, — говорит наконец. — Я хочу уехать отсюда.

Сердце замирает. Не ожидала, может, получится его разговорить?

— Куда уехать?

— Не знаю. Куда угодно. Питер. Москва. Страна большая.

— А учиться? Ты же в Мурманск собирался...

— Не хочу там жить, — фразы рубленые, как будто он уже давно всё прокрутил в голове. — Не хочу в этом... в этом говне торчать. Я поеду куда угодно.

Молчу, смотрю на него. Шестнадцать лет, почти мужчина, а в глазах — страх.

— Что случилось, сын? — спрашиваю тихо. — Ты можешь мне рассказать. Я не осужу.

Он молчит. Долго. Потом смотрит мне в глаза прямо, без страха.

И я понимаю: он ждёт. Ждёт, что я спрошу. Ждёт, что я скажу правду первой.

— Мам, — говорит тихо. — Я посмотрел историю браузера со своего компа.

Сердце замирает. Кровь отливает от лица. О, меня практически спалили на месте преступления, но зато и ему не отвертеться.

Сын встаёт, подходит к окну, потом к полке, останавливается у шкафа. Опирается на него спиной.

— И что там было? — спрашиваю, хотя уже знаю.

— Ты же всё знаешь? — спрашивает он.

Киваю. Медленно. Тяжело.

— Да, сын. Я знаю.

Он смотрит на меня. В глазах какие-то смешанные чув-

ства.

— И как ты с этим живёшь? — спрашивает тихо. — Как ты можешь спать с ним в одной постели? Как ты можешь улыбаться ему? Как ты можешь... любить его?

Вопрос висит в воздухе. Я молчу, потому что не знаю ответа.

— Во взрослой жизни всё сильно сложнее, чем кажется, сын, — стараюсь держать лицо. Ненавижу выглядеть жалкой.

— Может, вы все сами усложняете? Жить с предателем, спать с ним...

Самой противно от этих слов. Но не буду же я сыну рассказывать, что никакого интима у нас нет сейчас, избегаю, как могу.

Матвей сидит на диване, я рядом. Между нами полметра, а по ощущению — такая пропасть. Воздух густой, как туман над тайгой. Ни звука, только наше дыхание — неровное, прерывистое. Кручу обручальное кольцо, ощущение, что палец жжёт, снимаю, прячу в карман.

— Матвей, сын, — начинаю я тихо. — Я не знаю всего. Случайно подслушанное слово на мероприятии, куда я его могу применить? Начала искать, а развёрнутого ответа на мои вопросы нет.

Он молчит. Смотрит в пол. Шея красная, как всегда, когда нервничает.

— Я... догадываюсь, — продолжаю. — Собираю по крупицам, как пазл, который растеряли. Одно слово здесь, один взгляд там, переписка, которую ты или эта женщина удалили... Но это не доказательства.

Поворачиваюсь к нему. Беру сына за руку, она холодная,

немного влажная.

— Ты думаешь, у меня есть картина? Полная? И каждый день я просыпаюсь и спрашиваю себя: «Мама, ты всё знаешь и молчишь? Ты с ума сошла? Или тебе всё равно, что наша семья — фикция?»

Смотрю на него, для него слишком тяжела эта ноша, он её еле тянет и вот-вот надорвётся.

— Чувства в моменте не проходят, сын, — говорю тихо. — Они не уходят, когда ты хочешь. Они живут внутри. Каждый день. Каждую ночь. И я не знаю, что с ними делать.

Матвей стискивает зубы, на глазах слёзы.

— Надо было тебе сразу сказать.

— Сыночек, я не обвиняю тебя, — продолжаю. — Ты ни в чём не виноват. Ты просто... оказался между мной и отцом, между правдой и ложью. И я понимаю, как тебе тяжело.

Матвей вздрагивает. Первый раз за разговор.

— Мам... — начинает он, голос срывается. — Я не понимаю, как себя вести.

Слова падают в тишину. Тяжёлые. Честные.

— Если ты знаешь... — продолжает он. — И ничего не делаешь, то я не знаю, как быть. Надо мне сюда лезть или нет? Я же вижу — ты мучаешься, вижу, что ты ищешь информацию в моём компе. А потом молчишь, улыбаешься, варишь суп. Ещё эта Илона, или уже бы вскрыла все карты, чтобы стало понятно — кто она, а то вот эти намёки.

Голос дрожит, но в его словах столько решимости, готов-

ности к действию.

— И я не знаю... — шепчет он. — Что правильнее? Сказать тебе всё? Или молчать, чтобы не делать больше?

Молчу, смотрю на него. Протягиваю руку, чтобы обнять, но Матвей отстраняется.

— Я боюсь отца, мам, — говорит он тихо. — По-настоящему боюсь. Он... он не такой, каким кажется, — продолжает Матвей. — Ты думаешь, он добрый? Заботливый? Ага, конечно. Или, может, он меня просто ненавидит? Мам, может, отец хотел всегда дочку?

— Нет, милый. Он хотел тебя и любит, и гордится твоими успехами. Но сам видишь, он — солдафон, служба из него выбила всё человеческое. Если хорошо присмотреться, он такой же, как и все его коллеги. И он грезит этой чёртовой преемственностью, он пошёл по стопам деда, и ждут от тебя того же. Ты не должен идти против себя.

Звучит, как будто я решила его оправдать? Показать сыну, что он один против системы не пойдёт.

Сглатываю ком в горле. Вспоминаю: «Привязал бы к дереву. Пусть мир решает».

— Поэтому я ненавижу весь этот гарнизон, всё это место. Жду, когда смогу свалить отсюда. И таким, как отец, — никогда не стану!

— Я знаю, сын, — говорю тихо. — Значит, мы с тобой переедем, тебе нужно готовиться к поступлению, подготовительные курсы и кучу всего я готова придумать.

Матвей смотрит на меня.

— Тогда почему ты ничего не делаешь? — спрашивает.

— Почему молчишь? Почему терпишь?

Вопрос висит в воздухе.

— Потому что я не знаю, что делать, — отвечаю честно. —

Потому что столько лет — это не просто цифра, это жизнь, привычка. И теперь я знаю твоё мнение по этому поводу. Я молчу, и ты молчишь...

Смотрю на него. На этот раз не сдерживаюсь, плачу. Матвей молчит, берёт мою руку, сжимает.

— Мам, ты не одна, — продолжает он. — Ты думаешь, я не вижу? Я вижу всё, и я не знаю, как помочь.

Гора падает с плеч, даже дышать легче. Матвей на моей стороне, а теперь мы тихонько придумаем верный план и уедем. Для нас с сыном начнётся новая жизнь, свободная от этого гарнизонного заточения.

— Спасибо, сын. Ты... на выходных мы едем в Мурманск. Пока у нас всё будет идти, как всегда. А учиться поедешь в центральную часть страны, и я с тобой. Хватит, серости я уже наелась, чистым таёжным воздухом надышалась, и даже на море насмотрелась. Хочу цивилизации. Матвей, выдыхай, с отцом не ссорься. Если Илона напишет, то дай ей мой телефон, я скрываться не буду!

— Девушка, а вы кто? — Женька подходит ко мне сзади, приподнимает с моей головы большие наушники. Гладит по голове, трогает волосы. — Аня, тебе очень идёт. Рассказывай, для кого такое преображение.

Сначала вздрагиваю, ненавижу, когда подходят из-за спины. Весь стол Матвея завален моими бумагами, схемами. Я подумала, что хватит всему идти на самотёк, думать, что сын вырос и сам решит вопрос с образованием. Слишком долго я была наивной и беспечной, пора возвращать себе бразды.

— Какая же ты у меня красotka. Мне кажется, вся часть мне завидует. Вот посмотри: у Толика жена — клуша, вся какая-то отёкшая, неопрятная, у неё даже усы растут. А у Дмитрича? Он страшен, как смертный грех, а всё покрасивее её будет.

Смотрю на Женьку и не пойму, как давно он стал таким хорошим актёром. Вот льстить так достоверно мне в глаза, а потом изменять — как так можно?

— Ну, тогда ценить надо, беречь, раз на меня столько мужчин глаз положить могут, а тебе верность храню, — натягиваю улыбку. Собираю листы в одну стопку.

— А ты что тут делаешь? Сын знает, что ты в его компе лазишь? — Женька садится напротив, смотрит мне в глаза, не пойму, что хочет в них увидеть.

— Слушай, Жень, — начинаю я. — У меня тут кое-какая встреча нарисовалась в городе. Мы с Матвеем раньше поедem, в четверг, например. Гостиницу я забронировала, мы по вышкам пройдемся, в театр сходим, по магазинам прошвырнемся. На день открытых дверей я пойду сама с Матвеем. Тебе не нужно отпрашиваться с работы. Машину я вожу давно, в городе смогу сориентироваться.

Женька поднимает на меня глаза, взгляд хитрый, как будто он застал меня на месте преступления.

— Как это — сама? — спрашивает тихо. — Какие у тебя могут быть дела в Мурманске? Как ты себе представляешь, ехать на машине?

— Очень просто, — отвечаю. — Ну или так: куплю билеты, сядем в поезд. Приедем, посмотрим институт. Погуляем по городу. Кое с кем встречусь, мне тут одна знакомая написала, хочет встретиться.

Он смотрит на меня. Глаза узкие. Холодные, видно, что моя затея ему не нравится.

— Ты с ума сошла? — спрашивает. — Ты думаешь, я отпущу сына с тобой одного? В чужой город? На двое суток?

— Почему нет? — пожимаю плечами. — Мы же взрослые люди. Или ты думаешь, я не справлюсь? Тем более с нами будет одна моя интернет-знакомая. Она город хорошо знает. Блефую и иду в ва-банк.

— Аня, что-то ты хитришь. Я думаю, что ты настраиваешь Матвея против меня, — отрезает он. Вижу, как муж нервни-

чает. — Ты думаешь, я не вижу? Ты с ним шепчешься. Ты с ним договариваешься. Ты делаешь из него... сопляка, мой сын не может быть таким! Он мужик!

Слово бьёт в лицо, внутри просыпается ярость.

— Сопляка? — повторяю тихо. — Ты называешь нашего сына сопляком?

— А кто он? — Женька откидывается на стуле. Голос становится громче. — Шестнадцать лет, а за подол матери держится. Я в его возрасте уже...

— Да, да, — перебиваю. — Ты в его возрасте уже стрелял из автомата. Мы это знаем. Но это не делает тебя правым.

Он замирает. Впервые за вечер не готов к ответу.

— Ты что, мне хамишь? — спрашивает тихо. Опасно.

— А ты что, мне угрожаешь? — отвечаю. — И не смей так говорить о сыне!

Женька встаёт медленно, как хищник.

— Ты не имеешь права так со мной разговаривать, — говорит тихо. — Я — твой муж, отец твоего ребёнка. И я знаю, как надо жить. А ты... ты делаешь из него девочку.

Сердце замирает. Кровь кипит.

— Ты вообще понимаешь, что говоришь? — спрашиваю. — Ты думаешь, это нормально — так о сыне?

— Нормально? — Женька усмехается. — Нормально — это когда мать делает из сына тряпку? Нормально — это когда ты настраиваешь его против отца?

Он замолкает. Смотрит на меня. В глазах ярость. Чистая.

Необработанная.

Подходит ближе, почти вплотную. Я отступаю инстинктивно, но он хватает меня за подбородок, крепко, немного больно.

— А это что за ерунда? — шипит он. — Если у тебя ПМС — держи себя в руках.

— Отпусти, — говорю тихо.

— Нет, — отрезает он. — Ты сначала выслушаешь. Ты думаешь, я не вижу? Ты думаешь, я не понимаю, что ты делаешь?

— Я хочу правды, Женька, — отвечаю тихо. — Только правды.

Он смеётся, как-то горько и злобно.

— Правды? — повторяет. — Ты не готова к правде. Ты думаешь, ты сильная? А на самом деле — слабая. Ты жила за моей спиной. И теперь вдруг решила, что что-то можешь сама?

Отпускает мой подбородок, отходит на шаг. Смотрит сверху вниз.

— Ты не поедешь, — говорит тихо. — Никуда. Сын поедет со мной. А ты... ты останешься дома. И будешь думать, что ты наделала.

Сердце замирает. Кровь отливает от лица. Я впервые вижу мужа таким.

— Ты не можешь мне запретить, — говорю тихо.

— Могу, — отрезает он. — Пока вы живёте на мои деньги,

я решаю. И давай сделаем вид, что этого разговора не было.

— Ань, ну прости, я вспылел...

Возвращаюсь домой с общедомового балкона. Это идеальное место, чтобы пережить бурю.

В гостиной пусто. Оборачиваюсь, Анькина обувь у порога, слышу, в ванной льётся вода. У жены свои способы справляться со стрессом: соли полпачки бахнет, вонючие масла свои нальёт, потом хоть месяц проветривай.

Возвращаюсь в гостиную, взгляд падает на тумбочку. Анькин телефон! Она никогда не была против, чтобы я его брал, иногда тетрис на нём гоняю.

Хватаю трубку жены с тумбочки. Пальцы дрожат еле заметно, но я чувствую.

Выхожу на балкон. Холодно. Ветер с Баренцева моря бьёт в лицо ледяной, безжалостный.

Ввожу пароль, в спешке ошибаюсь одной цифрой, ещё не хватало, чтобы я телефон заблокировал.

Вдох-выдох, ввожу код ещё раз. Экран светится, победил!

Захожу в социальные сети, потом во все мессенджеры — пусто. Никаких сообщений от Илоны, просматриваю последнее переписки. Какая ерунда — родительский комитет, женский книжный клуб непонятно в какой-то точке страны.

Может, я схожу с ума, почему я решил, что бабы мои за моей спиной интриги плетут.

Облегчение какое-то внутри, совсем короткое, тёплое. Как глоток водки в мороз, жар расходится по венам.

Так, а что тогда Анька взъерепенилась. На электронной почте — два билета в театр, спектакль «На дне», как символично. Какие друзья у неё могут быть?

Захожу в гостиную, на тумбочку возвращаю телефон.

Весь на взводе, как будто мир рушится, а не могу понять, где эпицентр этого всего. Какую стену нужно укрепить.

Если бы Матвей меня сдал, то Анька кастрюлю борща бы мне уже на голову надела. А тут молчит... Может, он как-то намекнул?

Злость захватывает ещё сильнее. Как жаль, что я сейчас дома, а то ходили бы солдатики по плацу кругами, пока у меня от них голова не закружилась бы.

Набираю Матвею, вот кто сейчас отхватит.

«Абонент не отвечает или временно недоступен» — женский электронный голос.

Ну и как это называется.

Набираю Толяну.

— Евгений, ты чего по службе соскучился? — он смеётся в трубку. Кажется, снова без меня попахивают.

— Да настроение дерьмовое, вот думаю, на кого всех собак спустить. На семью вроде не за что, вот тебе позвонил, может, есть чем меня успокоить?

— С такой красивой женой под боком ты не знаешь, чем заняться? — язык немного заплетается, ну точно дежурство

пройдёт весело.

— Заговариваешься со старшим по званию, — сдерживаюсь, чтобы не закатить скандал на ровном месте. Отключаю телефон.

Иду в кухню, включаю холодную воду, жду, когда стечёт и она станет ледяной. Плещу на лицо.

Так, надо немного отмотать всё назад. И жить, как ни в чём не бывало.

Подхожу к ванной, дёргаю за ручку. Заперто.

— Анют, ну я дерьмо, прости!

Стою, жду, когда она соизволит выйти. Даже в начале отношений она не позволяла себе взбрыкивать. Она идеальная жена, кто-то ей в голову вложил, что мужчина в семье главный, и вот придерживается. И тут не особо воет, что заняться нечем, жизнь мимо проходит. А сколько наших мужиков чуть не спилось, потому что жёны устали, заскучали и свалили поближе к комфортной жизни.

Аня выходит из ванной, какая-то тканевая тряпица на лице.

— Жена, а где наш сын? — стараюсь говорить спокойно, ещё не хватало усугубить наши шаткие отношения.

— Как всегда. Марат и Клим звонили, куда-то пошли.

— Надо за ним лучше следить. Ему надо зубарить, как он поступать будет? В военку я его по связям впихну, а медицинский? Или он на медсестричку пойдёт? Моё сердце не выдержит такого, мой сын будет клизмы ставить, — корчу

гримасу, но жена не улыбается.

— Жень, давай мы сейчас поставим точку на том разговоре. Никакого военного не будет! Если Матвей захочет, он поступит, например, в Саратов на военного медика, но сейчас у сына другие мечты. И не лезь! Он для тебя и так борьбой занимался, потом в тир ходил. Он не ты, он другой, вот и хватит его прессовать. Иначе он домой будет приходить, когда ты на службе будешь.

Выбрала время мне хвост прищепить.

— Анют, я же как лучше хочу. Сама знаешь у нас, как — приказ не обсуждается, а очень непросто перестроиться. Я не лезу. А если буду забываться, ты меня в бок прям кулаком. Ань, — сбавляю тон. — Прости. Я... перегнул, сорвался, не сдержался. Это был стресс: звёзды, работа, командировка... Ты понимаешь?

— Жень, я всё понимаю. Но ямой для слива твоих эмоций ни я, ни сын быть не должны. Мы люди, у нас есть собственное мнение и желание. И сейчас мы хотим с Мотькой сами, без тебя, съездить в город. Что непонятного?

Опа, интересный разговор намечается.

— А я вам чем не угодил?

«Ну, давай, скажи, что ты с моей любовницей встречаешься», — крутится у меня в голове, кажется, эти брожения так громко происходят, что даже Анька слышит.

— Ты на нас давишь. Нам интересно сходить в музей, в книжный, в театр. А не в военторг!

Хм, а может, и так. Это я себе накрутил, что круг сужается, а там всё иначе?

— Только из-за этого?

— Жень, я уже стреляный воробей. Ты своим деспотизмом даже кафе нам выбрать даёшь через ругань. Мы хотим без тебя!

На лице стараюсь проявить сожаление, но такая гора с плеч.

— Я бываю чурбаном бесчувственным, прости...

Раскрываю руки для объятий, но Анька выскальзывает из-под руки. Ну ладно, пусть немного подуется...

Осталось последний пунктик закрыть, и можно жить спокойно.

— Анют, я тут кое-какие документы забыл в машине. Может, в круглосуточном что купить, раз всё равно на улицу выходить?

— Мне ничего не надо, — коротко и без эмоций.

Нет, какая-то хрень происходит, что-то в ней изменилось, но не могу понять что.

Подхожу к машине, открываю дверь, сажусь. Запах кожи, табака, моего одеколona.

Достаю телефон, три дня она мне не звонила. Набираю номер «Мурманск КПП» — Илона.

Звонок. Один. Два. Три.

— Алло? Кого я слышу, Женя, наконец и на меня время нашлось... — голос сонный. — А я думала, ты обо мне за-

был.

— Да как тебя забудешь. Мы с тобой договорились, что ты не высываешься?

— А я и не пытаюсь. Сажу, провожаю поезда, смотрю на самолёты, вздыхаю, когда машину, как у тебя, вижу, — издевается надо мной?

— А ты Матвею зачем написала?

— Котик, ты сказал, чтобы я не искала встречи с твоей женой, а про сына ничего не было сказано.

Женя

— Когда ты приедешь? — Илона спрашивает тихо, кажется, эта плутовка снова что-то придумала.

Что теперь — воду прорвало, канализация замёрзла, окна снова срочно нужно поменять?

Сам знаю, что на крючке у неё, а как слезть, пока и понять не могу.

— Илона... — начинаю я. — Ты же знаешь, я не цепная собака, чтобы по первому зову бежать. Я тебя предупреждал, что у меня есть семья, она часть моего имиджа. И не надо сюда лезть...

— Знаю, — перебивает. — Знаю, что ты ничего не обещал. Знаю, что ты сказал — скоро. Знаю, что ты... ничего не делаешь. Понятно, ты можешь вытирать об меня ноги, но дочь?

Дочь... Если бы я мог её забрать, как-то подсунуть Ане, чтобы всё было спокойно. А так надо будет рассказывать долгую историю, как она появилась, и жене явно это не понравится. Хотя... если бы всё сделал своевременно, мог бы сказать, что она сама виновата, что я дочку очень хотел, а Анька соглашалась, только если мы из гарнизона на «большую» землю уедем. А зачем мне что-то менять, если тут всё устраивает?

— Не начинай. Я деньги на Яну выслал, — говорю быстро.

— Ты получила?

Молчит. Потом тихо:

— Получила. Ты у нас как соцзащита — денег прислал и всё, никакой ответственности.

— Ну вот, — говорю. — Всё нормально. Ребёнок ни в чём не нуждается.

— Женя, — говорит она. — Ты по тонкому льду идёшь.

Слова висят в воздухе. Тяжёлые. Опасные.

— Как это — по тонкому льду? — спрашиваю. Голос срыгается от злости. Ненавижу чувствовать себя беззащитным!

— Ты сам знаешь, — отвечает. — Ты обещал. Ты сказал, скоро будем вместе, ребёнок будет счастлив. А сам... сам ничего не делаешь. Ты хочешь, чтобы я ускорила твой развод?

— Я делаю! — кричу в телефон. — Я... я работаю. Я семью кормлю. Я...

Замираю.

— Женя, — говорит она тихо. — Зачем ты кричишь?

Молчу. Дышу тяжело. Сердце колотится. Как у подростка. Как у труса.

— Ты слишком непозволительно себя ведёшь, — думаю, по интонации она понимает, что мне всё это очень не нравится. — Ты... ты пишешь моему сыну. Ты лезешь в мою жизнь. Ты...

— Я хочу, чтобы у нашей дочки были ещё родственники, кроме меня, — перебивает она. — Я хочу, чтобы у Яны

был брат. Она у меня часто спрашивает, когда у неё появится братик или сестричка, а я почкованием, к сожалению, не умею размножаться.

Замираю. Она написала Матвею. Она рассказала ему про Яну? Почему он мне ничего не сказал? Или Илона блефует?

— Илона, — еле сдерживаюсь. — Он знает?

— Пусть это и для тебя будет секретом. Говорят, такие вещи очень бодрят.

Вот коза! А была такая кроткая, невинная, глазками хлопала. А оказалась, что совсем другая, мне пока не очень понятно, как быть. Как ей рот закрыть!

— Ты... — начинаю я. — Ты не должна ему говорить. Понимаешь? Он... он не готов.

— А кто готов? — спрашивает она. — Ты? Твоя жена? Или я должна одна растить ребёнка и молчать?

Ощущение, что она говорит на выдохе, и воздух у неё заканчивается. Делает громкий вдох.

— Илона, — говорю тихо. — Это шантаж. Я сам всё делаю. Сам выбираю.

— Выбираешь? — горько и злобно. — Ты? Ты выбираешь? Женя, ты сто лет живёшь с одной женщиной. И почти четыре года — со мной. И ни разу не выбрал. Ни разу. А почему ты её бережёшь? — спрашивает с каким-то цинизмом в голосе. — А я должна крупными пользоваться? Деньги. Звонки. Обещания. А сам живёшь с ней. Спишь с ней. Варишь с ней супы.

Задолбала! Чувствую себя как на пороховой бочке, у которой вовсю дымит фитиль.

— Тебе просто денег надо? Так и скажи. Не надо устраивать истерики. Я сказал: ребёнок ни в чём не будет нуждаться. И я держу слово.

Илона начинает смеяться, громко и наигранно.

— Именно поэтому я записана как мать-одиночка. Я должна трястись по поводу твоей жены, по поводу твоей работы, теперь ещё и твоих отношений с сыном. А я? А Яна?

Какие упрямые бабы! Одна уперлась: поеду и всё. И как с базара съехать? Теперь вторая тянет одеяло в свою сторону.

— Яночка, папа звонит, иди ему «привет» скажи.

Запрещённый приём! Она же умная женщина, воспользовалась моей слабостью. Никакой дочки мне не надо было. Запудрила мне мозги своими женскими проблемами, нерегулярным циклом. Я даже врача ей нашёл, чтобы после двенадцати недель все следы скрыть. Так нет — уперлась, вдруг больше детей не будет. Пожалел дуру на свою голову, сразу надо было концы в воду, но скотиной быть не хочется.

— Не устраивай цирк. Я скоро приеду, мне надо подготовить документы на командировку. А ты сиди и не отвсечивай! Илон, я серьёзно.

— И я серьёзно...

Аня

— Да, забронируйте, пожалуйста, этот номер. И ссылку для оплаты на почту пришлите, — радуюсь, что нашла прекрасный отель для нашей с сыном поездки. Посмотрим город, отдохнём, соберёмся с мыслями. — Да, на неделю.

Вытаскиваю чемодан, ощущение, что я совершаю революцию. Сейчас ещё Женька мозг мне вынесет, что с ним «так долго» не согласовано, и я на месяц рвану.

А что? Сын уже взрослый, муж сам себя покормит, на крайний случай в столовку ходит.

— Мам, я тут краем уха слышал, что мы на неделю? — Матвей выглядывает в дверной проём.

— Да, раз уж решили ехать, надо всё успеть. Стоматолог и тебе, и мне. Отдохнём, погуляем, в кино ходим, я бы ещё пару врачей посетила ради профилактики.

А то наш фельдшерский пункт не вызывает доверия, а в ведомственную больницу совсем не хочется.

Сын приходит ко мне, садится на диван, смотрит на чемодан.

— Мам, — говорит. — Ты уже собираешься?

— Да, а что время тянуть. Переубедить меня уже не получится. И сам знаешь, я не люблю, когда много спешки, нервов.

Смотрю на сына, вижу, что его что-то беспокоит, боится, что отец снова пылить начнёт?

— Матвей, ты со мной ничем поделиться не хочешь? — разговариваем, как великие заговорщики. Что за время — своими словами и сказать ничего нельзя.

— Нас с тобой в театр приглашают. В воскресенье... Только не задавай вопросов, ладно?

О, вот это поворот. И тут мой мозг начинает работать в миллион направлений: Мотья купил билет на какой-то похабный или запрещённый спектакль, а теперь ищет варианты меня туда затащить. Или кто-то из его друзей нас зовёт, мало похоже на правду.

— Да без проблем. А я могу хоть узнать, куда идём, что смотреть будем. А то платье соответствующее надо брать, если рок-опера, то я и в брюках могу сходить. А если «Онегин», то совсем другой настрой.

— Мам, — сын усмехается. — Нас позвали в ТЮЗ, будут «Теремок» давать.

Ох, я, конечно, может, и не самый главный театрал, но чтобы прям совсем малышковое. Ну, мало ли, ребёнку не хватило детских впечатлений, будем догонять.

— А потом мороженко и яблочный сок?

Как будто окунулась во время, когда наша семья была счастлива. Матвею лет шесть было, и тогда казалось, что всё возможно. Всё лето мотались в город перед первым классом, получали впечатление.

— Ну, думаю, вторая ли. Мне, правда, пока больше нечего сказать, но выглядеть ты должна потрясающе.

Я довольно киваю, как будто я когда-то выглядела прям плохо.

Звонок в дверь, может, Женька ключи забыл? Открываю дверь, на пороге муж. Улыбчивый, весь сияющий, не в форме, а в гражданском костюме. Смотрит на чемодан, подходит ко мне близко, обнимает.

— Жена, — чувствую, что от него немного пахнет алко-голем. — Как ты меня терпишь? Я служака, совсем забыл, что тебе нужен воздух, пространство. Прости дурака, ладно?

По спине бегут мурашки, не пойму, почему страшно от этих слов.

— Я так тебе благодарен за твою настойчивость. Мы с То-ляном сегодня разговаривали, он мне глаза открыл. Как ты была права! Надо ехать всей семьёй! Театр, концерт, что ты там хочешь?

Хм, давно не видела супруга таким сговорчивым. И так понятно, что он боится выпустить меня с поля зрения, мало ли куда я вильну.

— Слушай, я даже не знаю... Я бы хотела поехать вместе. Но гостиницу я уже оплатила. В казарме я жить не буду, мне комфорт нужен, хватит меня ущемлять. Так вот, у нас номер на двоих. И билеты в театр Мотья уже купил.

— Сын! — Женька кричит в полный голос. — А ты мне ссылку дай, я тоже куплю. Вы на что идёте?

Матвей бледный, глаза бегают, понятно, пора выручать его.

— Я тебе потом скину. Мы выбрали Театр оперы и балета, как раз в наши дни там оперетта идёт, «Пиковая дама». Почти четыре часа, мы пока плохо разбираемся в этом виде искусства, но сам понимаешь, нам уже всё равно, а ребёнок должен быть интеллигентным.

— Четыре часа вытья? — муж хмурится. — Я вас на лавочке подожду. Я такое не выдержу, а если восхраплю, так ещё и громче певицы. Стыдно будет.

Женька улыбается, рад своему остроумию.

— Вот и подумай. Если тебе всё равно делами заниматься, ты можешь у себя там пожить, а вечером будем ходить друг к другу на свидания, — приподнимаю брови.

— О, а ты у меня затейница...

Матвей еле сдерживает смех. Ага, мы ещё посмотрим, кто наш семейный теремок решил развалить.

Аня

— Может, мы всё отменим? — Женька подходит со спины, старается приобнять, руки тёплые, но я от него отшатываюсь. Не хочу прикосновений.

— Нет. Если тебе неудобно, я сама прекрасно могу нас с сыном довести, — огрызаюсь. Не могу рядом с мужем вести себя нормально. Постоянно кажется, что он пахнет другой женщиной. Паранойя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.